ПРОДАЖА СЪ МОЛОТКА.

Наконецъ, дѣтскія работы кончены, день распродажи назначенъ: все устроилось лучше, чѣмъ дѣти надѣялись: работъ набралось довольно, покупателей тоже, — все больше изъ своихъ же семейныхъ.

Всѣ дѣти съ утра съѣхались къ бабушкѣ; родители ихъ собирались понемногу — кто къ обѣду, кто къ вечеру пріѣхалъ.

— Ахъ, какъ весело! чудо какъ весело! слышалось то въ корридорѣ, то въ бѣлой комнатѣ, то гдѣ нибудь въ дверяхъ, гдѣ сталкивались дѣти другъ съ другомъ.

— Ты, мамочка, побольше накупи, шепталъ Алеша матери своей, — а то Мишинъ дядя, дядя Сережа, сказалъ, что онъ закупитъ все, все, что только будетъ на столѣ!

Всѣ дѣти переполошились, узнавъ о намѣреніи Сергѣя Васильевича. Саша съ Лизой бѣгали къ Михаилу Павловичу

просить, чтобы онъ далъ бабушкѣ денегъ столько, сколько у нея не достанетъ на покупку ихъ работы. Но болѣе всѣхъ встревожилась маленькая Мери.

— Мамочка душечка, торопливо говорила она, — ты непремѣнно устрой, чтобы моя салфеточка досталась бабушкѣ! Дядя Сережа сказалъ, что купитъ все самое лучшее! тревожно шептала дѣвочка, прижимаясь къ матери.

Ольга Борисовна, съ усмѣшкой поглядѣвъ на дочь, спросила ее:

— Развѣ ты думаешь, что твоя работа самая лучшая?

— Ахъ, мамочка, она такая хорошенькая, со вздохомъ отвѣчала Мери, припоминая свою салфеточку, — я вотъ что сдѣлаю, съ угрозой сказала она: — я попрошу папу, дядю, тетю, и всѣхъ и всѣхъ, и тебя, мамочка, тоже, чтобы вы не давали дядѣ Сережѣ нашихъ работъ.

Сказавъ это, Мери прыгнула, чтобы бѣжать, но мать остановила ее, поймавъ за руку.

— Меринька, тебя дядя Сережа сильно и часто обижаетъ? спросила она.

Малютка, остановясь, посмотрѣла на мать, и подумавъ немного, сказала:

— Онъ меня никогда не обижалъ.

— Такъ можетъ быть обижаетъ сестеръ: Лизу, Сашу?

— Нѣтъ, мамочка; что ты? онъ никогда ихъ не дразнитъ, онъ ихъ очень любитъ!

— Такъ какъ же это, Мери, дядя васъ очень любитъ и не обижаетъ, а теперь на зло всѣмъ вамъ, хочетъ перекупить вашу работу? Мери стояла, въ недоумѣньи поглядывая то на мать, то въ дверь, откуда слышался смѣхъ Сергѣя Васильевича и назойливый голосъ Миши.

— Знаешь, что я думаю, Мери? я думаю, что дядя шутитъ, а вы не понимаете шутки и готовы сердиться; слышишь, какъ надсѣдается Миша?

Мать еще не окончила говорить, а Мери уже неслась по залѣ, махая ручонками и крича: — дядя шутитъ, дядя шутитъ!

— Вѣдь ты шутишь, дядя? спрашивала она, ласкаясь и заглядывая ему въ глаза.

— Ахъ, ты цыпочка моя, какъ же ты это догадалась? спрашивалъ Сергѣй Васильевичъ.

— Это мы съ мамой придумали, важно отвѣчала Мери, и принялась разсматривать давно знакомую дядину цѣпочку и подвѣшенныя къ ней побрякушки.

— А Миша такъ ни съ кѣмъ не придумалъ, сказалъ дядя, поддразнивая племянника.

Сергѣй Васильевичъ недавно самъ вышелъ изъ дѣтства и любилъ забавляться съ дѣтьми, и по неопытности же своей въ дѣлѣ воспитанія, часто дразнилъ заносчиваго Мишу.

Вечеръ насталъ, зажгли лампы; дяди давно съѣхались и сидятъ въ кабинетѣ у Михаила Павловича. Въ бабушкиной же комнатѣ давно свѣтло; тамъ Линина мама, Эмилія Ѳедоровна, пересматриваетъ дѣтскія работы, закрѣпляетъ ихъ, ровняетъ, подстригаетъ кончики; дѣвочки безпрестанно вбѣгаютъ узнать, скоро ли понесутъ разставлять вещи въ бѣлую

комнату: тамъ и столъ накрытъ, и лампа зажжена, и всѣ дяди съѣхались!

— Тетя, ужь даже и тетя пріѣхала! прокричали мальчики въ дверь.

— Ужь коли тетя Марья Романовна пріѣхала, сказала бабушка, ласково встречая племянницу, — такъ видно пора!

— Да, милая тетушка, отвѣчала Зинина мама, — я давно сбиралась полюбоваться вашими прекрасными трудами, но мнѣ все не удавалось.

— Э, э, другъ мой, какія такія прелести, чтобы ими любоваться! мы просто наработали съ дѣтками нѣсколько такихъ вещей, которыя могутъ пригодиться въ домѣ, пожалуй для нихъ самихъ же, если маменьки ихъ захотятъ насъ потѣшить. Смотри же, Маша, не скупись, говорила старушка, взявъ головку племянницы въ обѣ руки и цѣлуя ее, какъ бывало цѣловала свою маленькую, рѣзвую Машу.

— Ахъ, да что же вы не идете! ужь дядя Сережа молоткомъ по столу стучитъ! кричитъ Миша, выходя изъ себя отъ нетерпѣнія.

Мальчикъ гонитъ сестеръ изъ бабушкиной комнаты, почти силой тащитъ Эмилію Ѳедоровну съ остатками работы, на которую та еще нашпиливаетъ ярлычки.

— Миша, Миша! закричала Ольга Борисовна, умѣвшая отличать въ дѣтяхъ переходъ отъ игры къ шалости, — что ты дѣлаешь, вѣдь ты дѣло почти изъ рукъ вырываешь!

— Да, тетя, она говоритъ, сказалъ Миша, кивая головой на Линину мать, — она говоритъ, продолжалъ онъ плаксивымъ голосомъ, чтобы я потерпѣлъ.

— Ну? сказала Ольга Борисовна, вопросительно глядя на Мишу.

— А я терпѣть не хочу!

— Что же, не терпи! послышался бабушкинъ голосъ.

Миша взглянулъ туда, гдѣ сидѣла бабушка, постоялъ немного, помолчалъ, и поглядывая изъ–подлобья, сказалъ въ полголоса:

— А мнѣ все–таки приходится терпѣть!

Взрослые улыбнулись, но ничего не возражали; они оставили мальчика свободно обдумывать свою догадку.

Но вотъ наконецъ все улажено, работы разнесены по мѣстамъ, ихъ разложили на столъ, а въ промежуткахъ поставили красивыя, пестрыя растенія.

Дѣти смотрятъ и не нарадуются на праздничный, нарядный видъ всѣхъ работъ вмѣстѣ; тамъ лежали ихъ собственныя работы и ничего не было заказнаго или отдѣланнаго въ магазинѣ; то, чего они не смогли или не придумали, въ томъ помогла имъ искусница — Линина мама: нѣсколькими продержечками, бантиками, искусно вышитыми прошивочками, свѣжо и нѣжно положенной буфой, украсила она дѣтское шитье. На столѣ не было ни одной изъ тѣхъ безполезныхъ работъ, которыя дѣлаются только на показъ, — такихъ работъ бабушка не терпѣла. И дѣти, стоя и любуясь столомъ, сознательно, по пользѣ ихъ, цѣнили вещи.

Вотъ эта кучка чулочекъ будетъ впору Софѣ; какъ няня–то обрадуется, думаетъ

Лиза, — она все жалуется, что Софочкины чулочки малы и развалились; а маленькое платьице достанется Любѣ, кромѣ ея некому носить; а эту шерстяную алую косыночку мама навѣрно купитъ Зинѣ, она такая хорошенькая, а мнѣ можетъ быть кисейную рубашечку, а можетъ быть ее купитъ тетя для Саши.

— Саша, ты хочешь, тебѣ она нравится? спросила вслухъ Лиза. Но Саши уже не было около нея, она о чемъ–то сговаривалась съ дядей Сережей, который ей на все весело киваль головой. Сашѣ хотѣлось купить Любѣ тѣ крошечныя рубашечки, которыя нашила Софья Васильевна на продажу; сомнѣваясь въ своемъ капиталѣ, дѣвочка просила дядю помочь ей купить бѣлье для ихъ крестницы.

— А вотъ это моя тетрадка, говорилъ Миша, — ужь я отсюда вижу что моя!

— А я такъ отсюда вижу, что не твоя, а моя, сказалъ Сережа, доставая хорошенькую, ровно сшитую и склеенную тетрадочку; — у насъ съ тобой одна обертка, только твоя кривобокая.

— Не правда, она хорошая! я ее самъ себѣ куплю, сказалъ Миша, любуясь своей неровной, дрянненькой, жиденькой тетрадочкой.

Мальчикъ любилъ въ ней свой первый трудъ, и нашлись люди, которые именно за то–то и оцѣнили ее.

На что разсчитываетъ Аля, или на что особенно залюбовалась она, стоя подлѣ отца и склонивъ ему головку на плечо? Аля смотритъ на все одинаково весело, она радуется на оконченное дѣло и на тѣсно заставленный столъ.

— Кто же будетъ продавать? спрашиваетъ ея отецъ, Алексѣй Романовичъ, старшій изъ всѣхъ. Матушка, кому прикажете? спросилъ онъ, обращаясь къ старушкѣ, которую воспитанники ея, племянники звали матерью.

— А пусть дѣти сами выбираютъ, рѣшила бабушка.

— Папа! — Пусть нашъ папа! — Нѣтъ, мой!

— Нѣтъ, нашъ папочка, посыпалось со всѣхъ сторонъ.

Отцы расхохотались.

— Вѣдь этакъ, дѣти, мы пожалуй перессоримся, сказалъ Алексѣй Романовичъ, весело поглядывая на меньшихъ дѣтей.

— А ты, дядя, уже вотъ какъ! пусть лучше мой папа, надоумлялъ Миша.

— Нѣтъ, нѣтъ, Миша, мой папочка, кричала Мери, хватая ручонками брата, мой папочка…

Развеселившаяся Марья Романовна, вспомнивъ дѣтство, съ необычной ей живостью встала передъ братьями и, указывая поочередно на каждаго пальцемъ, проговорила:

— Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты былъ? — Въ лѣсу. Что ты дѣлалъ? — Лыко дралъ. Куда клалъ? — Подъ колоду. Кто бралъ? — Родіонъ — поди вонъ!

— Поди вонъ! сказала она, указывая на Сергѣя Романовича и подводя его къ столу.

Маленькая Мери захлопала въ ладоши; — Я говорю, что папѣ должно продавать, вотъ ему и досталось!

Дядя Сережа тоже пристроился къ продажѣ, онъ каждую вещь высоко поднималъ, показывалъ покупателямъ и, глядя на ярлычекъ, говорилъ ея цѣну.

— Тетрадка въ осьмушку, въ красивой оберткѣ, съ красиво наклеенной бабочкой безъ усиковъ; — 20 копѣекъ! сказалъ дядя Сережа, передавая тетрадку Сергѣю Романовичу.

— Нѣтъ, у моей бабочки одинъ усикъ цѣлъ, прокричалъ взволнованный Миша.

— Тетрадь съ однимъ усикомъ! прокричалъ дядя Сережа.

Сергѣй Романовичъ замѣтилъ своему помощнику, что не его дѣло выкликать — а его; взялъ тетрадь и громко сказалъ:

— Хорошенькая тетрадка, надъ которой много трудились, въ 24 страницы бѣлой бумаги, съ красивой бабочкой на оберткѣ, идетъ за двадцать копѣекъ, кто даетъ болѣе?

— Я дамъ тридцать, сказала Ольга Борисовна.

— Сорокъ, пятьдесятъ, пятьдесятъ пять, шестьдесятъ, перебивали другъ друга Михаилъ Павловичъ и Алинъ отецъ.

— Семьдесятъ, сказала Софья Васильевна.

Дѣти громко радовались тому, что такъ набиваютъ цѣну; одинъ Миша не зналъ радоваться или быть недовольнымъ; та, для которой онъ работалъ свою тетрадку, молчала. Бабушка! хотѣлъ онъ закричать, но старушка предупредила его.

— Я даю рубль, сказала она. Всѣ молчали, только дѣти радостно волновались.

— Рубль, повторилъ Меринъ папа, — кто даетъ болѣе? Всѣ молчали. — Разъ, сказалъ онъ медленно, — два, прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой остановки и хотѣлъ уже сказать три и ударить молоточкомъ по столу, въ знакъ того, что вещь уже продана.

— Позвольте, перебилъ дядя Сережа, искоса поглядывая на Мишу, — позвольте мнѣ еще посмотрѣть тетрадку, быть можетъ я набавлю.

— Бабушка! Дядя! Папа! закричалъ мальчикъ, не зная къ кому обратиться; онъ готовъ былъ громко заплакать.

Спокойно повертѣвъ тетрадь, Сергѣй Васильевичъ положилъ ее, сказавъ:

— Нѣтъ, не возьму, у бабочки не достаетъ одного усика.

Меринъ папа, высоко поднявъ показалъ тетрадку и громко, разстановочно сказалъ:

— Тетрадь идетъ за рубль серебромъ, кто даетъ болѣе? Разъ... два... три, сказалъ онъ, пристукнувъ молоткомъ.

Миша завизжалъ, запрыгалъ и бросился чрезъ ноги тетокъ и дядей прямо на шею къ бабушкѣ, цѣловалъ ее, обнималъ, хваталъ за голову, наклонялъ посмотрѣть на хорошенькую бабочку, говоря, что совсѣмъ незамѣтно, что усикъ отстриженъ.

А между тѣмъ торгъ шелъ своимъ чередомъ; продана Сережина тетрадка, Сергѣй Романовичъ выкликаетъ въ третій разъ Алешину: семьдесять пять.

— Я даю восемьдесятъ пять, сказала Ольга Борисовна.

— Рубль, сказала бабушка, освободясь отъ Миши.

— Рубль, повторилъ Сергѣй Романовичъ, потряхивая тетрадкой, видя, что никто не даетъ болѣе, онъ пристукнулъ молоткомъ.

— И моя досталась бабушкѣ! весело закричалъ Алеша, но какъ бы желая утѣшить мать, онъ шепнулъ ей, что тамъ на столѣ есть еще его тетрадка, лучше этой, потому что къ переплету онъ приклеилъ изнутри кармашекъ.

— Полдюжины крошечныхъ рубашечекъ, сказалъ дядя Сережа, передавая стопочку, перевязанную розовой лентой, — цѣна восемь рублей, я даю десять, поглядывая на Сашу, которая, сжавъ ручонки, стояла въ нѣмомъ ожиданіи.

— Что это, какъ можно! заговорила Софья Васильевна, — какъ можно дать десять, онѣ едва стоятъ три, я написала на ярлычкѣ: три рубля.

— Сдѣлай милость, не безпокойся, перебилъ ее братъ ея, — не надо тебѣ, такъ не перебивай у меня. А я даю десять,

сказалъ онъ, и оборотясь къ Сергѣю Романовичу просилъ ударить скорѣе молоткомъ, если нѣтъ охотниковъ наддать.

— Разъ, два, три, и вслѣдъ за стукомъ молотка, дядя Сережа, сорвавъ ярлычекъ, перебросилъ связочку Сашѣ — проговоривъ: нашей крестницѣ.

Саша радовалась, а продавецъ посмѣивался, онъ замѣтилъ, что Сергѣй Васильевичъ — пошутилъ, читая три за восемь.

— За десять копѣекъ идетъ строка китайской грамоты, сказалъ Сергѣй Васильевичъ, передавая продавцу жиденькую полоску красной бумаги, на которой были наклеены какія–то черныя каракульки; вырѣзывала ихъ Софочка, а сравнялъ, подклеилъ и сдѣлалъ изъ нихъ закладку Сережа.

Софочка, сидѣвшая на колѣняхъ у Софьи Васильевны, вдругъ бросилась черезъ столъ къ дядямъ, крича изо всѣхъ силъ: — это мое: моя фидульта! дай, дай…

— Софа, Софа, нельзя, Софочка, это не твое, кричали дѣти, удерживая и уговаривая

малютку; но Софочка стояла на своемъ: — мое, моя фидульта, да и только.

— Софа, это ты дала на лотерею, это ужь не твое, уговаривали ее старшія дѣти.

— Ня, это ня сяма, кричала она, карабкаясь на столъ.

— Видно, для малыхъ, да глупыхъ законъ неписанъ, сказала бабушка, — надо было ей прежде растолковать, а теперь нечего дѣлать, приходится уступить.

Софочка схватила обѣими ручонками поданную ей закладочку, полѣзла обратно къ Софьѣ Васильевнѣ, и цѣлуя и обнимая тетю совала ей, говоря: — Тебѣ подалю, это тебѣ!

— Фуй, Софа! Ахъ, какая глупая! Софочка, какъ тебѣ не стыдно! кричали возмутившіяся дѣти; имъ казалось, что маленькая сестрица должна была такъ же понимать какъ они, что, работая и отдавая вещь въ сборъ, никто не въ правѣ брать ее назадъ. Софочка смотрѣла во всѣ глаза, она не понимала за что бранили ее дѣти, наконецъ надумавшись, слѣзла съ колѣнъ тети, подбѣжала къ матери и сообщила, что

она, Софа, подаритъ ей, эту фигурку завтра, «да!» прибавила она, прикачнувъ головкой; устроивъ это дѣло, малютка опять отправилась на старое мѣсто къ тетѣ и защебетала ей, чтобы она долго, долго играла фигуркой, а послѣ, завтра, Софочка возьметъ ее и отдастъ мамѣ и бабушкѣ, прибавила она, глядя на старушку.

Возясь съ ребенкомъ, Софья Васильевна многаго не видала и не слыхала, а распродажа шла на славу; къ Сашиному складу прибавилось прекрасное, длинное англійское платьице, которое надѣваютъ на самыхъ маленькихъ дѣтей.

— Идетъ въ десять рублей, говорилъ Сергѣй Романовичъ, — разъ, два…

— Одиннадцать, торопливо сказала Софья Васильевна, не видя хорошенько, что продается.

— Кто даетъ болѣе? Разъ, два, три, затѣмъ стукъ, и молодой хозяйкѣ братъ передалъ полдюжины дѣтскихъ чулочекъ.

— Дѣти, дѣти, думаетъ Софья Васильевна, — что тутъ было труда и

старанья! Я и побольше васъ была, да чуть не плакала надъ чулкомъ.

— Сестра, ты разскаеваешься, что купила? шутливо спросилъ Сергѣй Васильевичъ, — ты такъ задумалась надъ своей покупкой.

Дѣти вопросительно поглядѣли на вѣчно веселую тетку, которая, не отвѣчая брату, какъ–то задумчиво усмѣхнулась.

— Тетя думаетъ о томъ, пояснилъ Михаилъ Павловичъ, — сколько дѣвочекъ научилось на этихъ чулочкахъ вязать пятку и запускать чулокъ.

Весело взглянувъ на мужа, Софья Васильевна сказала: — А вѣдь ты почти угадалъ!

— Господа, идетъ тамбурная салфеточка въ рубль!

Мери вздрогнула и взглянула на бабушку.

— Два, сказалъ Алинъ отецъ.

— Дядя! укоризненно крикнула Мери.

— Постой, Алексѣй; за эту салфеточку мы съ тобой потягаемся, сказала бабушка: — три, я даю три рубля.

Разъ, два, три! молоточекъ стукнулъ. Мери перевела духъ. — Кончено? спросила она.

— Да, да, закричали дѣти, — салфеточку купила бабушка!

— Ахъ, какъ я рада! а я все боялась!

— Я тоже очень рада салфеточкѣ, говорила бабушка, обнимая Мери, — и буду въ нее завертывать свою большую книгу. Но Мери еще не радовалась своей шумной радостью, она слишкомъ привыкла заботиться о томъ, можетъ ли бабушка купить, или перебьетъ у нея тотъ кто побогаче. Столъ мало–по–малу очистился, дяди и тетки раскупили все, передъ бабушкой же лежитъ самая большая куча: она купила по одной работѣ отъ каждаго внука и внучки. На столѣ осталась кисейная рубашечка съ голубыми продержками и прошивками, и такая же нарядная юбочка, Алиной и Эмиліи Ѳедоровны работы.

Сергѣй Васильевичъ взялъ рубашечку за оба рукава и, поворачивая ее передъ

маменьками, началъ выхвалять красоту и дешевизну ея.

— Подумайте только, говорилъ онъ, — вся эта прелесть стоитъ четыре рубля: — неимовѣрно дешево въ сравненьи съ чулочками!

— А не самъ ли ты набилъ на нихъ цѣну? замѣтилъ продавецъ.

— О, у меня были свои соображенья, сказалъ Сергѣй Васильевичъ, поглядывая на Сашу.

— Ты это Любѣ хотѣлъ? спросила Саша. — Нѣтъ, поторопилась она успокоить дядю, чулочки наши годятся только Софѣ.

— Дѣтская кофточка идетъ за четыре рубля, перебилъ ихъ Сергѣй Романовичъ.

— Пять, набавила Зинина мама.

Зиночка посмотрѣла на рубашечку, и подумала про себя: — мнѣ она будетъ мала, и дѣвочка хотѣла шепнуть матери о своемъ соображеніи, такъ какъ привыкла она думать все о себѣ самой.

— Шесть, сказалъ Алексѣй Романовичъ.

Молотокъ стукнулъ, и онъ передалъ свою покупку дочери, которая, радостно

обнявъ отца, бросилась съ кофточкой къ Линѣ, которая все шире и шире раскрывала свои ясные голубые глазки; понявъ наконецъ въ чемъ дело, она, вспыхнувъ отъ радости, вопросительно взглянула на мать и замѣтивъ ея улыбку и легкое наклоненіе головы, Лина бросилась Алѣ на шею и, разцѣловавъ ее, съ дѣтскимъ простодушіемъ цѣловала свою красивую рубашечку. Лина давно издали любовалась ею и думала: — навѣрно кофточка достанется Сашѣ или Лизѣ: какъ имъ весело будетъ носить, когда ужь такъ хорошо смотрѣть на голубые бантики и на всю ее, такую пышную, тоненькую! Кто былъ счастливѣе въ эту минуту, Аля или Лина?

Гдѣ же наша шумная Мери, что она не радуется за свою Линочку? Меринька забѣжала въ сосѣднюю комнату съ Софочкой, которой Софья Васильевна подарила купленные ею чулочки; тамъ малютки, усѣвшись на коверъ, треплятъ и перебираютъ ихъ; Мери ищетъ тотъ самый чулокъ, въ которомъ она немного повязала,

ей именно хочется помѣрить, впору ли онъ, но какъ найдти его въ такихъ попыхахъ? а Софа сидитъ съ готовыми, разутыми ноженками, ждетъ скоро ли ей надѣнутъ новые чулочки.

Кисейную юбочку купила бабушка и, покидая опустѣвшій столъ, тихонько опустила юбочку на Лину, которая очутилась подъ нею, какъ птичка подъ стеклянымъ колпакомъ.

Стали считать деньги, оказалось шестьдесятъ восемь руб. 70 к. — Ну, дѣти, родители ваши были очень щедры, смотрите, какъ дорого они оцѣнили ваши труды, сказала бабушка прыгавшимъ около нея внукамъ, — благодарили ли вы ихъ?

— Бабушка, да вѣдь намъ ничего не подарили, закричалъ кто–то изъ меньшихъ!

— Это Софочкѣ подарили чулочки, да Любѣ рубашечки, да Линѣ, а намъ ничего не дали, замѣтила Лиза.

— Еще бы намъ! ай да Лиза! сами же работали, да мы же станемъ принимать въ подарокъ! замѣтилъ Сережа.

— Мнѣ и не надо, сказала Лиза, — я только подумала, куда же большіе дѣнутъ тетради.

— И, мой другъ, мало ли куда! найдутся дѣтки, которымъ онѣ придутъ очень кстати. Вы же, дѣти, радуясь на выручку, должны благодарить тѣхъ, кто такъ дорого заплатилъ вамъ за трудъ вашъ.

— Знаете ли вы, какъ велики деньги, семьдесятъ рублей?

— Шестьдесятъ восемь рублей и семьдесятъ копѣекъ, тихонько замѣтила основательная Лина, всегда и во всемъ точная и добросовѣстная; не смотря на робость свою, Лина считала долгомъ напоминать то, о чемъ забывали другіе.

— Правда, голубочка моя, сказала бабушка, похлопывая ее по плечу: — но говоря семьдесятъ рублей, я имѣю въ виду ихъ пополнить. Семьдесятъ рублей, дѣти, деньги большія, на нихъ можно круглый годъ прокормить трехъ человѣкъ или пріютить навсегда цѣлую семью, построивъ имъ избу; такъ вотъ что вамъ дали

родители ваши за небольшой трудъ! Идите же, скажите имъ спасибо.

Дѣти вспорхнули, какъ рѣзвая стая скворчиковъ, и понеслись въ тотъ уголъ, гдѣ собирались большіе пить чай.

— Бабушка, милая, говорила Аля, обнимая старушку, — ты больше всѣхъ намъ помогла, безъ тебя ничего бы у насъ не устроилось!

Веселый Сережа скоро опять прибѣжалъ къ бабушкѣ, у него изъ головы не выходилъ собранный капиталъ.

— Что же мы сдѣлаемъ? спрашивалъ онъ, — избу ли купимъ или отдадимъ его на хлѣбъ бѣднымъ?

— Подумайте, потолкуйте межъ собой, сказала старушка, и на чемъ рѣшите, то и придите сказать; а дядя Алексѣй Романовичъ берется переслать деньги въ Симбирскъ, къ знакомому священнику.

— Аличка, пойдемъ думать, сказалъ мальчикъ, обнимая и уводя сестру съ собой.

Обнявшись и слившись душой въ одну мысль, въ одно желанье, придумываютъ

братъ съ сестрой, какъ распорядиться деньгами: — и хлѣбъ нуженъ! и кровъ нуженъ! а что нужнѣе? Долго передъ душевными, не окрѣпшими еще глазами мелькали неясные, туманные образы нищеты, но они остановились на одномъ: цѣлая семья бѣдныхъ, но трудолюбивыхъ людей безъ пріюта!

— Да, Аля, я такъ же думаю, что построить избу и поселить въ ней цѣлую семью лучше чѣмъ раздать деньги по рукамъ, потому что милостыню голодному скорѣе и легче подать, чѣмъ собрать столько денегъ и дать пріютъ! Скажемъ про это дѣтямъ, говорилъ Сережа, направляясь къ чайному столу, около котораго необыкновенно живо суетились братья и сестры. Мудрено ли! на столѣ между корзинками съ сухарями стояла на блюдѣ жареная индѣйка и московскій калачъ; это вещь небывалая у насъ, у русскихъ: закуска при чаѣ! Дѣти громко изъявили свое удивленіе.

— Дядя! вспомнивъ что–то, закричалъ Миша, поворачиваясь къ Сергѣю

Васильевичу, — а ты намъ обѣщалъ принести чего–то хорошенькаго.

— Я сдержалъ слово, сказалъ тотъ, показывая на индѣйку и калачъ.

— Жаркое–то! сказалъ Миша надувшись, — а мы всѣ думали, что ты принесешь сладенькаго, говорилъ онъ, укоризненно покачивая головою, — этого никто и ѣсть не станетъ!

— Эй, братъ, ни за кого не ручайся; не ручайся даже за самого себя! сказалъ Мишинъ отецъ.

— Папа, я те–бѣ да–ю... мальчикъ нарочно растягивалъ слова, чтобы выразительнѣе было его обѣщаніе.

— Миша, послышался бабушкинъ голосъ, — а помнишь пословицу: — не давъ слова крѣпись, а давъ его держись!

Мальчикъ повернулся было къ старушкѣ, но восклицанія дѣтей привлекли его вниманіе къ чайному столу; тамъ отецъ его рѣзалъ жаркое, которое ложилось подъ ножемъ мягкими, рыхлыми пластами.

— Вѣдь это сладенькое! шумѣли дѣти.

Миша, подбѣжавъ и посмотрѣвъ на мнимую индѣйку, запрыгалъ, бросился къ Сергѣю Васильевичу на шею, и потомъ прокричалъ всѣмъ, что это не настоящая индѣйка, а такой пирогъ, хорошій и сладкій.

— Съ каштанами, проговорила Мери, подбирая крошечки; малютка очень любила каштаны.

— Чего не придумаютъ французы! сказала бабушка, — не одни дѣти, и я тоже приняла пирожное за жареную индюшку, однако не поднялась бы у меня рука въ теперешнее время купить такую вещь, вѣдь въ этомъ пирогѣ за одинъ только *фасонъ* что переплачено.

— Позвольте, не рѣжьте калача! закричала Аля, — мы его отнесемъ показать нянечкѣ!

— Да, да! зашумѣли дѣти, столпясь около Михаила Павловича.

Взрослые же, воспитанники старой няни, рѣшили призвать старуху.

— Батюшки свѣты, никакъ это орда топочетъ, говорила няня, встречая бросившихся къ ней дѣтей; разобравъ

наконецъ въ чемъ дѣло, она, оправивъ головной платокъ, пошла съ ними. Передъ ней полетѣли передовые, крича: — нянечка идетъ! Тихо и радушно вошла няня въ свою господскую семью, племянница и племянники госпожи ея обняли и разцѣловали свою старую баловницу и утайщицу.

— Здравствуйте, свѣты мои, Марья Романовна, Алексѣй, Сергѣй Романовичъ, матушка Ольга Борисовна, говорила старуха, кланяясь на всѣ четыре стороны.

— Нянечка, душечка, кричали Миша сь Сашей, таща старуху къ чайному столу, — посмотри, это что? спрашивали дѣти другъ передъ другомъ, указывая на часть нерушеной индѣйки и на калачъ.

— Что? какъ будто переспросила себя старуха, — извѣстно что такое! калачъ, да не то индюшка молодая, не то пулярдка, сказала няня, наклоняясь, чтобы хорошенько разсмотрѣть жаркое.

— Нянечка, это сладенькое! это дядя Сережа принесъ!

Нянюшка, не отходя отъ стола, съ недоумѣніемъ слѣдила за липкимъ ножемъ, которымъ Михаилъ Павловичъ рѣзалъ калачъ.

— Вотъ, няня, какіе у насъ въ Москвѣ калачи!

Старуха ничего не слыхала и не видала, кромѣ чудной индюшки и сказочнаго калача.

— Попробуй, няня, весело сказала Софья Васильевна, откладывая на тарелку ручку калача съ индѣйчьимъ крылышкомъ.

— Да поди ты, тихо проговорила старуха, кланяясь молодой хозяйкѣ.

Дѣти и родители нескоро отпустили свою любимицу, воспоминанія тянулись нескончаемою нитью:

— Няня, ты помнишь, какъ мы разбили дѣдушкину завѣтную чашку на львиныхъ ногахъ, и какъ ты все что–то жевала, потомъ склеила ее?

— Няня, а помнишь, какъ мы швейцарскій сыръ дѣлали, спросила Марья Романовна, — тотъ, что мы хотѣли взять съ собой на островъ?

— Тотъ то, что вы, проказники, весь по кусочку куда еще до острова испробовали у меня? какъ не помнить! — А вѣдь телочка то, что вы съ покойницей Сашенькой Хлѣбниковой купили, говорила старуха набожно крестясь, вспоминая умершую: — телка то ваша, какой коровой стала, первой на селѣ! такъ отъ молока до молока и ходила; съ вашей легкой руки повелись у нихъ коровы, и что они телятъ однихъ на племя распродали!

Какъ будто изъ какого–то теплаго, неяснаго свѣта стало подыматься и мелькать передъ Марьей Романовной ея забытое, мирное дѣтство; ей почувствовалось что–то ласковое, дорогое, и образъ милой сестры блеснулъ передъ нею.

— Тетя, тетя! какъ ты хорошо смотришь! закричала Саша, чудясь на тетку и не сводя съ нея глазъ.

Дѣти неиспорченнымъ чувствомъ своимъ легче насъ откликаются на добрыя душевныя движенья. Не стряхнувъ еще дѣтскихъ грезъ своихъ, Марья Романовна

какъ–то безсознательно протянула руки къ Сашѣ, которая радостно бросилась къ своей, обыкновенно неласковой, теткѣ.

Долго шла бесѣда о старинѣ; дѣти выслушали много подробностей о своихъ родителяхъ, о житьѣ ихъ на острову, и въ нихъ во всѣхъ явилось сильное желанье посмотрѣть тѣ мѣста, поиграть на скатѣ къ озеру, переправиться на островъ; но пожить тамъ, этого они еще не придумали.

— И такое–то у насъ житье, что развѣ только на царство небесное промѣнять можно! закончила разговорившаяся няня.

Долѣе обыкновеннаго дѣтскаго срока, просидѣли всѣ четыре семьи вмѣстѣ; много задушевнаго всплыло и высказалось; какъ будто тѣснѣе связанные и довольные другъ другомъ, разъѣхались всѣ по домамъ.

И вотъ какъ хорошо кончилось общее дѣло, начатое ссорою и споромъ.